

УДИВИТЕЛЬНО. сколько энергии скрыто в людях театра! Нам, зрителям, не хватало положительного героя на подмостках, но ведь в театральной-то жизни он был. Ходил по сцене, репетировал и ставил спектакли, натянулся на рогаки всевозможных «языков» и «это еще зачем?». Убеждал своей собственной жизнью, верой и преданностью делу.

Сегодня на всех сферах, кажется, ощущают (вернее, должны ощущать) своего героя. Задул он и на театральном подмостке — хвала и честь Союзу театральных деятелей СССР. Ожилилась Москва театральная, появились спектакли, в Империале — постановки по пьесам драматургов Сибири и Дальнего Востока, в Кривяке — по произведениям советской драматургии.

В этом же ряду недавно закончившийся фестиваль в Москве, посвященный открытию Театра дружбы народов. Творческая атмосфера, на которой были и бурные ночные дебаты. После просмотра обсуждали с давно забытой страстью увиденное за трех ночи.

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

ПОСЛЕ БАЛА

И спектакли того стоили! Они вытаскивали на свет рапы наши сокровенные мысли, нашу реальную жизнь. История старого Лира в постановке Грузинского академического театра им. Шота Руставели прозвучала не только трагедией позднего прозрения, но и осуждением тоталитаризма, разрушающего личность. Один из крупнейших режиссеров современного театра Роберт Стурца начал репетировать этот спектакль примерно в то же время, что Тенгиз Абуладзе снимать «Покаяние». Произведения эти, такие разные по сюжету, эпохе, художественному языку, удивительным образом перекинулись в стремлении осмыслить исторический опыт. Лир так же, как Варлам Арабадзе из «Покаяния», любит притворяться и разыгрывать. Он потащится над людьми, испытывая свою власть, угильвась вседозволенностью. В спектакле все оканчивается вселенской катастрофой. Люди сами уничтожают себя, круша мир. Фигуры в черном, одинаково безлики, как сони тараканов, ползут по сцене — этой трагической картины завершается блистательная симфония Стурца.

Другой грузинский спектакль — «Бронный мир толков», поставленный в Театре киноактера Нугзаром Лорткипанидзе, — притча, рассказывавшая грузинским народным стилем. Он и Она — знаменитость, любовь с первого взгляда. Ее кокетство и игра. Его отчаяние. Они счастливы, становятся мужем и женой. Но однажды на этом же месте распадаются. Мы видим доверчивую женщину, кругом насмехается за другим — покаянием на покаяние жгут, любят, рожают детей и умирают. Люди уходят, но жизнь продолжается, и в этом — урок мудрого, полнотелого гармоничного спектакля. Грузинский театр — философский театр, глубоко укорененный в жизни и вечности, потому. Этот спектакль как и вообще великое искусство, стоит над временем и в то же время обращен к нам, сегодняшним, живущим в свете и забывающим о краткости жизни.

Фестиваль подарил еще один нашумевший светом спектакль — «Девятый час Якутского драматического театра им. Якутского. Мир так несправедливо устроен, что даже очень хорошие человек вынуждены принимать его законы и становиться жестокими. В таком мире даже любовь — неоправданная слабость». Режиссер А. Воронцов и художники С. Иванова и Г. Соткин нашли для этой пьесы — притчи особую среду. Спектакль — блестящая драматургия — не просто контрастный фон для происходящего. Это лирическая тема, чистая, нежная мелодия. Она рождает надежду, что то обещает...

Чеховский «Дядя Ваня» — это Наполеон не обещает ничего. Не будет кам «неба в амурах» — мы его не заслужили. Животный, милозвучный мир, где страсти гибнут ум, красота, душевная благородство, показал нам Литовский театр молодежи. В спектакле герои окружены выжидательной безвоздушной атмосферой. «Душно! Душно!» — кричит профессор Серебряков, мучая свою красавицу жену (Людмила Валюха в Дале Сторм). «Душно» — впрямь все остальные. Люди духа, интеллигентны заикаются, погибают от своей разобщенности, ненужности. И как радость и свобода существования прислуга. Трое работников, с развлекательной ухмылкой натирающих пол, придумавшие самый режиссером — у Чехова их не было. Они — самый сильный образ спектакля, его смысловой акцент.

Когда смотришь спектакли подряд, день за днем, впечатления накладываются друг на друга, бледнеют. Всего в памяти не удержишь, остаются лишь настроения спектаклей и самые мощные, выразительные, выразительные образы. Сила их — в том, что они являются телесными портретами Наполеона, Наполеона — силы метафор, добился Л. Додж в своем трагизме, заслужившем Государственную премию СССР спектакль «Братья и сестры». Люди, своими руками вырастившие хаос, остаются — все не то, «едят» — какие-то лешенки. И даже тогда, когда выходишь, «спереди» заповедь молчаливости — спали, «необеспечивая» государство и ждут заработанное, уподобившись не города обаяние, об увеличении нормы поставок влозе. И голодные, полуживые, они мучительно, провалят глазами мечом с верном.

Нагруженная маленькая платформа поднимается все выше и выше как символ несомненного, отягощенного на бесконечном долгий срок счастья. Сценаристка Э. Котлярская добивается чуждо, с пропавшей силой то бросаешь нас в лучшую народную традицию, то приподнимая силой добрых человеческих чувств, и вечной надежды.

Насыщен глубокими метафорами — спектакль Московского ТЮЗа «Собачье сердце». Режиссер Г. Яновская начала его мрачной картиной: на сцене — черные груды то ли снега, то ли папы, то которым ходят, скули по-собачьи, и жон, потерявшие фигуры. В моменты грандиозных исторических натязков не потерял бы человека — вот что тревожило Вулжина. И ослепительные персонажи «Дяди» Верди, ослепительные вечной красоты и крутифоры, с удивительным парадом на парадном российском языке 20-х годов, на «преруку» у нас в головах... Острые стрелы булгаковских сатир, вышуканные шесть десятилетий назад, и сегодня попадают «в яблоко», и мы еще раз ощущаем неуязвимость силу большой литературы.

Но был в дни фестиваля и спектакль на сегодняшнем драматургическом материале — «Звезды на утреннем небе» А. Галина в постановке Ленинградского Малого драматического (режиссер Т. Шестаков, художественный руководитель А. Додин). Пронзительная, жгущая душу боль за человека поставила этот спек-

так в единый ряд с инсценировками Ф. Абрамова и М. Булгакова. Все они — о простом человеке, выпадающем из великих замыслов и расчетов, о том, ради кого герои делают революции и кто может и обжечься паром из кипящего котла Истории.

Я не рассказывала о многих фестивальных спектаклях: каждый был по-своему интересным, каждый заслуживает отдельного разговора. Главное, что этот смотр театральных сил, лишенный парадности и фальши, вызвал нас на размышление не только о жизни театра, но и о жизни Человека. На заключительной конференции перуанская актриса Марьян Реватги начала с критики:

— Три года назад мои впечатления от поездки по нашим театрам были безрадостными: театры навевали сон, казались скорее музеями, чем театрами. Несмотря на отдельные удачные находки, они жили не связанной со зрителем жизнью. Сейчас театр проснулся, и через него я увидела перемены в жизни нашей страны.

Али Зандвал, руководитель одного из театральных фестивалей в Торонто:

— У себя в Канаде мы не смогли провести общий, охватывающий всю страну фестиваль, и потому я особенно ценю, что вы, в нашей огромной стране, это сумели. Ваш театр может сравниться с лучшими театрами мира. Я очень хотела бы показать в Канаде «Братья и сестры» и «Собачье сердце», а «Звезды на утреннем небе» я уже пригласила.

Московский критик Илья Вишняков: — Что я думаю об уроках этого чрезвычайно насыщенного фестиваля? У нас есть привычка каждый раз начинать все заново, с нуля, как будто ничего раньше не было. Говорят о застое во всех сферах, но для театра нет понятия застоя. Не надо переносить на театр политические определения. Если искусство настоящее, оно не спав, а готовило будущее прозрачнее.

А ТЕПЕРЬ мне хотелось бы сказать несколько горьких слов. Театр дружбы народов давно был необходим. Но в Москве нет свободных сценических площадок. Чтобы пригласить кого-то в столицу на гастроли, надо отправить куда-то московские театры. И вот прекрасная идея создания Театра дружбы натывается на грубую реальность: идея есть, а сцены пока еще нет и не скоро будет. На Тверском бульваре, 22, остается группа артистов МХАТа, возглавляемая Татьяной Дорониной. Освободят помещение они лишь тогда, когда в филиале МХАТа окончатся реконструкция. В ближайшее время Евгений Симонов, художественный руководитель Театра дружбы народов, вынужден приглашать в Москву спектакли так же, как это делалось раньше, — на чужие сцены.

Несовершенство желаемого с действительным проглядывает всюду. Вот и МХАТ в своем родном доме на Камергерском сыграл несколько раз «Перламутровую Зинаиду» Рошнина, и стало ясно: реконструированное здание технически не готово. Не работает верхняя механизация сцены — самой прекрасной, современно оснащенной. Есть и другие неполадки. Сколько спектаклей шло на ручном управлении. Никто из зрителей не представляет, что это такое: рабочие аккальвали по 24 часа в сутки на голом энтузиазме? Неделю? Месяц? По крайней мере с 17 по 23 ноября театр будет закрыт: попытаются довести до ума хотя бы самое необходимое.

Неужели и дальше так будет?

Светлана НОВИКОВА.